

RELIGIOUS EDUCATION AS A FACTOR IN THE FORMATION OF RELIGIOUS FOUNDATIONS AND MORAL VALUES IN ADOLESCENTS

✉ ^a *Arailym DZHANABAYEVA* , ^a *Marzhan ZHOLMAGANBETOVA*

^a *Egyptian University of Islamic Culture Nur-Mubarak, Almaty, Kazakhstan*

✉ arayka_9200@mail.ru

Abstract. The article examines religious education as a factor associated with the development of adolescents' religious understandings, moral values, and moral self-regulation. The purpose is to clarify the conditions under which religious and moral education can support value identity, responsible autonomy, and conscious moral choice without being reduced to external control. Adolescent religiosity is shown to change together with self-awareness, relationships with significant adults, peer influence, and the digital environment. The study's contribution is an integrative model comprising four interrelated mechanisms: meaningful understanding of norms, emotional and trust-based internalisation of values, behavioural self-regulation, and responsible autonomy. Particular attention is given to Kazakhstan, where religious identity develops within a secular legal order and therefore requires a clear distinction between religious-moral reasoning and legal norms. Sustainable educational influence is associated with reasoned explanation, respectful interaction, consistent adult example, and opportunities for independent moral choice. Questions of bodily maturation and sexuality are framed through dignity, personal boundaries, and responsibility, excluding any normative endorsement of early marriage. The article concludes that the effectiveness of religious education depends primarily on the quality of adolescents' internal acceptance of values and their capacity to connect personal freedom with responsibility.

Keywords: religious education; adolescence; moral values; religious identity; moral self-regulation; autonomy; Islamic pedagogy; Kazakhstan.

For citation:

Dzhanabayeva, A., & Zholmaganbetova, M. (2026). Religious Education as a Factor in the Formation of Religious Foundations and Moral Values in Adolescents. *Jete – Journal of Philosophy, Religious and Cultural Studies*, 156 (3), 139-151 <https://doi.org/10.32523/3080-1281-2026-156-3-139-151>

ЖАСӨСПІРІМДЕРДІҢ ДІНИ НЕГІЗДЕРІ МЕН МОРАЛЬДЫҚ ҚҰНДЫЛЫҚТАРЫН ҚАЛЫПТАСТЫРУ ФАКТОРЫ РЕТІНДЕГІ ДІНИ ТӘРБИЕ

^aАрайлым ДЖАНАБАЕВА, ^aМаржан ЖОЛМАҒАНБЕТОВА

^a Нұр-Мубарак Египет ислам мәдениеті университеті, Алматы, Қазақстан

РЕЛИГИОЗНОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОСНОВ И МОРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ У ПОДРОСТКОВ

^aАрайлым ДЖАНАБАЕВА, ^aМаржан ЖОЛМАҒАНБЕТОВА

^a Египетский университет исламской культуры Нур-Мубарак, Алматы, Казахстан

Аңдатпа. Мақалада діни тәрбие жасөспірімдердің діни түсініктерін, моральдық құндылықтарын және адамгершілік өзін-өзі реттеуін қалыптастырумен байланысты фактор ретінде қарастырылады. Зерттеудің мақсаты — діни-адамгершілік тәрбиенің сыртқы бақылауға айналмай, құндылықтық бірегейлікті, жауапты автономияны және саналы моральдық таңдауды қолдайтын жағдайларын нақтылау. Жасөспірімнің діндарлығы өзіндік сананың дамуы, маңызды ересектермен қарым-қатынас, құрдастар ықпалы және цифрлық ортамен бірге өзгеретіні көрсетіледі. Зерттеудің ғылыми үлесі төрт өзара байланысты тетіктен тұратын интегративті модельді негіздеумен айқындалады: норманың мағынасын түсіну, құндылықты эмоциялық-сенімдік тұрғыдан қабылдау, мінез-құлықтық өзін-өзі реттеу және жауапты автономия. Қазақстан жағдайында діни бірегейлік зайырлы құқықтық тәртіп аясында дамитындықтан, діни-адамгершілік уәж бен заңдық норманы нақты ажырату қажеттілігі атап көрсетіледі. Тұрақты тәрбиелік ықпал дәлелді түсіндіру, құрметке негізделген өзара әрекет, ересектердің дәйекті өнегесі және дербес моральдық таңдау тәжірибесі ұштасқанда қалыптасады. Дене жетілуі мен жыныстық даму мәселелерін қадір-қасиет, жеке шекара және жауапкершілік ұғымдары арқылы талқылау ұсынылады; ерте некені нормативтік қолдауға жол берілмейді. Қорытындысында діни тәрбиенің нәтижелілігі құндылықтарды ішкі қабылдау сапасына және жасөспірімнің еркіндікті жауапкершілікпен байланыстыра алу қабілетіне тәуелді екені тұжырымдалады.

Түйін сөздер: діни тәрбие; жасөспірімдік кезең; моральдық құндылықтар; діни бірегейлік; адамгершілік өзін-өзі реттеу; автономия; исламдық педагогика; Қазақстан.

Аннотация. В статье рассматривается религиозное воспитание как фактор формирования религиозных представлений, моральных ценностей и нравственной саморегуляции подростков. Цель работы — уточнить, при каких условиях религиозно-нравственное воспитание поддерживает развитие ценностной идентичности, ответственной автономии и осознанного морального выбора без его сведения к внешнему контролю. Показано, что подростковая религиозность изменяется вместе с самосознанием, отношениями со значимыми взрослыми, влиянием сверстников и цифровой среды. Научная новизна состоит в обосновании интегративной модели, включающей четыре взаимосвязанных механизма: смысловое понимание нормы, эмоционально-доверительное принятие ценности, поведенческую саморегуляцию и ответственную автономию. Отдельно раскрыта специфика казахстанского контекста, где религиозная идентичность развивается в условиях светского правового порядка и требует различения религиозно-нравственной аргументации и юридических норм. Установлено, что воспитательное воздействие становится устойчивым при сочетании аргументированного объяснения, уважительного взаимодействия, последовательного личного примера взрослых и практики самостоятельного морального выбора. Вопросы телесного взросления и сексуальности предлагается обсуждать через категории достоинства, личных границ и ответственности, исключая нормативное одобрение раннего брака. Сделан вывод, что эффективность религиозного воспитания определяется качеством внутреннего принятия ценностей и способностью подростка самостоятельно соотносить свободу с ответственностью.

Ключевые слова: религиозное воспитание; подростковый возраст; моральные ценности; религиозная идентичность; нравственная саморегуляция; автономия; исламская педагогика; Казахстан.

Дәйексөз үшін:

Джанабаева, А., Жолмағанбетова, М. (2026). Жасөспірімдердің діни негіздері мен моральдық құндылықтарын қалыптастыру факторы ретіндегі діни тәрбие. *Jete – Journal of Philosophy, Religious and Cultural Studies*, 156 (3), 139-151 <https://doi.org/10.32523/3080-1281-2026-156-3-139-151>

Для цитирования:

Джанабаева, А., Жолмағанбетова, М. (2026). Религиозное воспитание как фактор формирования религиозных основ и моральных ценностей у подростков. *Jete – Journal of Philosophy, Religious and Cultural Studies*, 156(3), 139-151 <https://doi.org/10.32523/3080-1281-2026-156-3-139-151>

Введение

Подростковый возраст является периодом интенсивного перестраивания самосознания, идентичности и способов принятия решений. Расширение социальных связей, формирование абстрактного мышления и усиление потребности в самостоятельности делают ранее усвоенные нормы предметом личной проверки. Это относится и к религии: подросток чаще задаёт вопросы о смысле веры, справедливости, свободе, ответственности, допустимости сомнения и соотношении религиозных требований с повседневной жизнью. Современные исследования религиозного и духовного развития подчёркивают, что религиозность в подростковом возрасте не следует рассматривать как статичную характеристику; она меняется вместе с идентичностью, отношениями со значимыми взрослыми и процессами смыслообразования (King, Hardy & Noe, 2021; Schnitker, Medenwaldt & Williams, 2021).

Проблема религиозного воспитания особенно сложна в светском и культурно неоднородном обществе. В Казахстане религиозная идентичность молодёжи существует одновременно в поле семейных традиций, национальной идентичности, школьного образования, цифровых коммуникаций и светских правовых норм. Исследования казахстанской молодёжи показывают, что религия может выступать частью культурной и личностной идентичности, но её связь с ответственностью, благополучием и гражданской активностью неоднозначна и зависит от формы религиозности, образовательного контекста и социальных условий (Sharipova, 2020; Maulsharif, Rakhimbekova & Seisebayeva, 2022; Akmadi, Kenzhakimova & Umbet, 2024).

Историко-педагогические источники конца XX — начала XXI века важны для реконструкции отдельных идей исламской религиозной педагогики, однако они не могут быть единственным основанием современных выводов. Работа T. Gündüz «Ergenlik Dönemi Din Eğitimi» (2010) рассматривается как один из историко-педагогических источников и сопоставляется с современной психологией религии, эмпирическими исследованиями подростковой религиозности и казахстанским контекстом (Gündüz, 2010: 73–101).

Цель статьи — теоретически определить механизмы влияния религиозного воспитания на формирование религиозных представлений, моральных ценностей, Я-концепции и нравственной саморегуляции подростков и уточнить условия, при которых такое воспитание поддерживает ответственную автономию, а не сводится к внешнему контролю.

Для достижения цели решаются четыре задачи: 1) сопоставить данные возрастной психологии, психологии религии и религиозной педагогики о подростковом развитии; 2) выявить основные механизмы внутреннего принятия религиозно-нравственных норм; 3) рассмотреть эти механизмы в казахстанском светском и образовательном контексте; 4) отделить историко-богословские представления о телесности и браке от современных правовых норм и требований защиты прав ребёнка.

Научная новизна исследования состоит в синтезе четырёх аналитических механизмов - смыслового, эмоционально-реляционного, поведенческо-регулятивного и автономно-ответственного - с учётом современной литературы и казахстанского контекста. Такой подход позволяет сопоставить традиционные педагогические положения с данными современной психологии религии и оценивать их применимость в конкретной социально-правовой среде.

Обзор литературы

Современные исследования религиозного и духовного развития подростков смещают акцент с вопроса о наличии или отсутствии религиозности на анализ её структуры, динамики и функций. King, Hardy и Noe рассматривают подростковое религиозное развитие как процесс, зависящий от индивидуальных особенностей, отношений и культурного контекста (King et al., 2021). Обзор Schnitker, Medenwaldt и Williams также подчёркивает разнообразие траекторий религиозности: одинаковая декларативная принадлежность может сочетаться с различными уровнями практики, идентичности и внутренней мотивации (Schnitker et al., 2021). Для религиозного воспитания это означает, что внешний показатель соблюдения норм не может служить единственным критерием личностного результата.

Второе направление литературы связано со смыслообразованием и идентичностью. King, Mangan и Riveros показывают, что религиозность и духовность могут участвовать в meaning-making — процессе, через который молодой человек соотносит убеждения, жизненные цели и образ будущего (King et al., 2023). Hardy и Taylor подчёркивают необходимость изучать не только положительные исходы религиозности,

но и религиозные изменения, сомнения, деконверсию и различия между группами подростков (Hardy, Taylor, 2024). Поэтому воспитательная модель должна оставлять пространство для вопроса и рефлексии, не подменяя личное осмысление требованием немедленного внешнего согласия.

Исследования саморегуляции требуют осторожности в причинных выводах. Kerasha, Balkaya-Ince и Schnitker показали, что отдельные измерения религиозности у мусульманских подростков по-разному связаны с самоконтролем и терпением (Kerasha et al., 2024). Следовательно, утверждение о том, что религиозность сама по себе формирует дисциплину, методологически слишком широкое. Корректнее анализировать конкретные механизмы: внутреннюю мотивацию, способность связывать действие с ценностью, эмоциональное отношение к вере и качество отношений со значимыми взрослыми.

Отдельную линию образуют исследования сомнения, самооценки и смысла жизни. Kosarkova рассматривает религиозные сомнения и эмоции по отношению к Богу в связи с самооценкой и переживанием смысла у подростков (Kosarkova, 2024). Spiegler, Jonsson и Bracegirdle на основе продольных данных показывают несколько траекторий религиозного развития от подросткового возраста к ранней взрослости, различающихся в зависимости от религиозной принадлежности и социального контекста (Spiegler et al., 2025). Эти результаты не позволяют считать сомнение однозначным признаком ослабления нравственности; оно может сопровождать перестройку идентичности и переход к более самостоятельной позиции.

Историко-педагогическая литература исламского контекста сохраняет значение для понимания того, как в религиозном воспитании связывались возрастные особенности, ответственность и наставление. Hökelekli и Kılavuz анализируют религиозное становление, идентификацию и влияние взрослых (Hökelekli, 2001, 2002; Kılavuz, 2002). Глава T. Gündüz систематизирует возрастные изменения, роль примера, влияние сверстников и познавательную, эмоциональную и поведенческую стороны воспитания (Gündüz, 2010: 73–101). В настоящем исследовании этот труд используется как историко-педагогический источник, а его положения сопоставляются с более поздними эмпирическими исследованиями и современными правовыми условиями.

Казахстанская литература позволяет уточнить культурную применимость общих психологических выводов. Sharipova показывает взаимосвязь религии, языка и национальной идентичности (Sharipova, 2020). Maulsharif, Rakhimbekova и Seisebayeva анализируют потенциальные связи и противоречия между религиозностью и гражданским активизмом молодёжи (Maulsharif et al., 2022), а Akmadi, Kenzhakimova и Umbet исследуют связь религии, духовности и субъективного благополучия (Akmadi et al., 2024). Национальный доклад «Молодёжь Казахстана – 2023» дополняет эти работы контекстными данными о ценностях и социальных установках молодого поколения (Научно-исследовательский центр «Молодёжь», 2023).

Для рассматриваемой темы важен образовательный аспект. Karipbayev связывает религиозоведческое знание с мировоззренческой культурой и толерантностью молодёжи Казахстана (Karipbayev, 2020). Ukenov показывает, что государственно организованное преподавание основ религиоведения связано с моделью светскости, государственной политикой и нормативным представлением о допустимых формах религиозности (Ukenov, 2026). Эти исследования требуют различать конфессиональное религиозное воспитание в семье или религиозном сообществе и светское образование о религии в школе: их институциональные основания и правовые ограничения различны.

Наконец, социальная среда подростка не ограничивается семьёй. Zhanabayeva, Adilbaeva и Mukan систематизируют влияние семьи, сверстников, школы и медиа на подростковую религиозность (Zhanabayeva et al., 2025). В цифровой среде подросток сталкивается с конкурирующими интерпретациями и религиозными авторитетами, поэтому воспитательная задача включает не только передачу нормы, но и развитие способности проверять источник, различать религиозное утверждение и правовую норму и распознавать манипулятивную коммуникацию. Обзор литературы, таким образом, выявляет необходимость совместить историко-педагогические положения с современной психологией религии и казахстанским светским контекстом.

Материалы и методы

Исследование выполнено в формате теоретического тематического обзора с элементами сравнительного анализа. Единицей анализа выступали не отдельные слова или частота упоминаний, а содержательные

положения о том, каким образом религиозные убеждения, отношения со взрослыми, переживание ценностей и опыт морального выбора связаны с развитием подростка. Такой формат соответствует цели статьи и не предполагает количественного контент-анализа.

Корпус источников формировался целенаправленно по четырём группам. Первая группа включала классические работы по подростковой психологии, Я-концепции и религиозной педагогике, необходимые для историко-теоретического контекста (Grotevant, 1995; Jones & Francis, 1996; Kulaksızoğlu, 1998; Hökelekli, 2001, 2002; Kılavuz, 2002; Gündüz, 2010). Вторая группа включала современные международные исследования религиозного и духовного развития подростков, саморегуляции, смысла жизни и траекторий религиозности (King et al., 2021; Schnitker et al., 2021; King, Mangan & Riveros, 2023; Hardy & Taylor, 2024; Kerasha, Balkaya-Ince & Schnitker, 2024; Kosarkova, 2024; Spiegler, Jonsson & Bracegirdle, 2025). Третья группа была представлена исследованиями Казахстана, касающимися религиозной идентичности, молодёжной религиозности, благополучия и религиозного образования (Sharipova, 2020; Karipbayev, 2020; Maulsharif et al., 2022; Akmadi et al., 2024; Zhanabayeva, Adilbaeva & Mukan, 2025; Ukenov, 2026), а также Национальным докладом «Молодёжь Казахстана – 2023». Четвёртая группа включала нормативные документы, необходимые для корректного разграничения религиозно-нравственных и правовых утверждений: Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье», Конвенцию ООН о правах ребёнка и Конвенцию о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков.

Самостоятельный контент-анализ Корана и хадисов в исследовании не проводился. Первичные религиозные тексты не кодировались как отдельный корпус, а положения исламской педагогики рассматривались через академические труды по психологии религии и религиозному воспитанию. Поэтому выводы ограничены педагогико-психологической интерпретацией и не претендуют на богословскую экзегезу.

Аналитическая процедура включала три этапа. На первом этапе из источников выделялись повторяющиеся категории: понимание смысла нормы, эмоциональное принятие и доверие, самоконтроль, личный пример взрослого, автономия, давление сверстников, сомнение и смысл жизни. На втором этапе историко-педагогические положения сопоставлялись с современными эмпирическими данными; тезисы, не получающие достаточной поддержки или требующие правового разграничения, не переносились в выводы как нормативные рекомендации. На третьем этапе категории группировались в интегративную модель из четырёх механизмов и соотносились с казахстанским образовательным и правовым контекстом.

Исследование имеет теоретический характер. Оно не позволяет утверждать причинную эффективность конкретной программы религиозного воспитания и не заменяет эмпирической проверки среди казахстанских подростков. Предлагаемая модель рассматривается как аналитическая рамка для последующих опросных, качественных и квазиэкспериментальных исследований.

Результаты

1. Возрастная рефлексия и смысловое понимание религиозно-нравственной нормы

Анализ литературы показывает, что центральным изменением подросткового периода становится переход от преимущественно внешнего принятия норм к их рефлексивной оценке. Подросток способен сравнивать требования семьи, религиозной среды и группы сверстников, обнаруживать противоречия и требовать смыслового объяснения. Поэтому устойчивость религиозно-нравственной нормы определяется не только её авторитетным происхождением, но и тем, становится ли она понятной в категориях справедливости, достоинства, последствий поступка и ответственности (King et al., 2021; Hardy & Taylor, 2024).

В этой связи религиозное сомнение не должно автоматически интерпретироваться как признак нравственного неблагополучия. Исследования показывают, что сомнение может сопровождать развитие более дифференцированной религиозной идентичности и поиска смысла. Kosarkova (2024) связывает религиозные сомнения и эмоциональное отношение к Богу с самооценкой и переживанием смысла жизни, а Spiegler et al. (2025) демонстрируют вариативность траекторий религиозного развития от подросткового возраста к ранней взрослости. Педагогический вывод состоит в необходимости отвечать на вопросы подростка аргументированно и без стигматизации.

Историко-педагогические источники, включая Gündüz (2010), справедливо подчёркивали возрастную специфику подросткового восприятия религии. Однако современный корпус позволяет уточнить этот тезис:

важен не просто переход к «абстрактному мышлению», а развитие способности к смысловому сопоставлению конкурирующих норм. Поэтому когнитивная составляющая религиозного воспитания определяется как формирование религиозной грамотности и нравственного рассуждения, а не как механическое запоминание предписаний.

2. Я-концепция, эмоциональная безопасность и ценностная идентичность

Второй механизм связан с тем, каким образом религиозные представления включаются в Я-концепцию. Подростковая самооценка чувствительна к социальной оценке, внешности, успеху и принятию группой. Религиозные ценности могут расширять основания самоотношения за счёт категорий достоинства, ответственности, способности к исправлению и моральной последовательности. Однако сама религиозная принадлежность не гарантирует позитивного личностного эффекта; значение имеет качество переживания веры и характер отношений в религиозно-воспитательной среде (Jones & Francis, 1996; Schnitker et al., 2021).

Эмоциональная безопасность выступает условием внутреннего принятия ценности. Если религиозная норма передаётся через унижение, постоянное запугивание или несоразмерный контроль, подросток может демонстрировать внешнее соответствие требованиям без внутренней идентификации с ними. Напротив, уважительное обсуждение ошибки, признание возможности исправления и нравственная последовательность взрослого делают норму частью доверительных отношений. В этом смысле взрослый воздействует не только содержанием наставления, но и способом обращения с подростком.

Для казахстанского контекста важно учитывать множественность оснований идентичности. Исследование Sharipova (2020) показывает, что религия взаимодействует с языком и национальной идентичностью, а казахстанские исследования молодёжи фиксируют неоднородность форм религиозности и её связей с гражданской активностью и субъективным благополучием (Maulsharif et al., 2022; Akmadi et al., 2024). Следовательно, религиозное воспитание не должно предполагать, что религиозная идентичность автоматически вытесняет гражданскую или культурную идентичность; педагогическая задача состоит в их непротиворечивом соотнесении в рамках светского правопорядка.

3. Ответственная автономия, саморегуляция и влияние социальной среды

Третий результат касается соотношения автономии и контроля. Подросток стремится участвовать в принятии решений и воспринимает прямое давление как угрозу самостоятельности. Отсюда следует, что религиозно-нравственное воспитание становится устойчивым тогда, когда внешнее правило преобразуется во внутреннюю саморегуляцию. Самоконтроль в данной модели понимается не как подавление любых желаний, а как способность распознавать импульс, оценивать последствия и выбирать действие, согласованное с принятой ценностью.

Эмпирическое исследование Kerasha, Balkaya-Ince и Schnitker (2024) среди мусульманских подростков показывает, что отдельные измерения религиозности по-разному связаны с самоконтролем и терпением. Это подтверждает необходимость различать формальную религиозную принадлежность и внутренние действующие регулятивные механизмы. Для педагогики отсюда следует практический принцип: обсуждение моральных дилемм, ситуаций давления сверстников, цифровой коммуникации, конфликта и признания ошибки продуктивнее, чем изолированное перечисление запретов.

Влияние сверстников и цифровой среды усиливает необходимость ответственной автономии. Подросток может знать нравственную норму, но нарушать её ради группового признания или под воздействием эмоционального импульса. Поэтому поведенческая составляющая воспитания должна включать навыки отказа без агрессии, защиты личных границ, проверки информации, уважения конфиденциальности, восстановления доверия после ошибки и оценки последствий публичного цифрового поведения.

4. Цифровая среда, религиозная грамотность и критическое мышление

Цифровая среда меняет не только объём информации, доступной подростку, но и саму структуру религиозного авторитета. В традиционной модели основными посредниками религиозной социализации выступали семья, локальное сообщество и педагог; в онлайн-среде к ним добавляются блогеры, короткие видеоролики, анонимные каналы, алгоритмически рекомендованный контент и транснациональные сообщества. Для подростка различие между академическим источником, личным мнением и религиозным наставлением не всегда очевидно. Поэтому религиозная грамотность должна включать способность устанавливать происхождение утверждения, сопоставлять его с контекстом, различать факт, интерпретацию

и нормативное суждение. Казахстанские исследования, рассматривающие влияние семьи, сверстников, школы и медиа на подростковую религиозность, подтверждают необходимость анализировать социализацию как многоканальный процесс, а не как одностороннюю передачу норм от взрослого к ребёнку (Zhanabayeva et al., 2025).

Алгоритмический характер цифровой коммуникации усиливает ещё одну проблему: подросток может неоднократно получать сходные сообщения и воспринимать частоту их появления как признак достоверности или общественного консенсуса. В религиозной сфере это особенно чувствительно, поскольку эмоционально насыщенные утверждения о дозволенном и запретном, вине, наказании, идентичности или «правильной» принадлежности могут подаваться без указания автора, школы интерпретации и правового контекста. Педагогическая задача поэтому состоит не в запрете цифрового пространства как такового, а в развитии источниковедческой дисциплины: кто автор сообщения, на какой текст или исследование он ссылается, можно ли проверить цитату, отделено ли богословское толкование от действующего права, присутствует ли манипулятивное давление. Такая практика соответствует более широкому пониманию религиозоведческой грамотности как элемента мировоззренческой культуры и способности к ответственному суждению (Karipbayev, 2020).

Критическое мышление в религиозно-нравственном воспитании не тождественно скептицизму по отношению к вере. Его функция состоит в том, чтобы подросток умел осмысленно работать с основанием собственного убеждения. Если педагогический процесс запрещает сравнение источников и вопросы о смысле нормы, он повышает зависимость подростка от наиболее уверенно звучащего авторитета. Напротив, возможность уточнять понятия, проверять контекст и обсуждать расхождения между интерпретациями способствует переходу от пассивного усвоения к рефлексивной позиции. Этот вывод согласуется с современными моделями религиозного развития, где подростковая вера рассматривается как динамическая система, связанная с идентичностью, отношениями и процессами смыслообразования (King et al., 2021; Hardy, Taylor, 2024).

Цифровая коммуникация одновременно расширяет пространство морального действия. Ответственность подростка проявляется не только в офлайн-поведении, но и в публикации чужих изображений, распространении непроверенных сведений, участии в травле, сохранении конфиденциальности, уважении границ и реакции на провокационный контент. Поэтому поведенческо-регулятивный механизм модели должен включать цифровые ситуации выбора. Религиозно-нравственная норма приобретает практический смысл, когда подросток способен применить её к конкретному действию: отказаться от унизительного комментария, не пересылать непроверяемое обвинение, остановить распространение личной информации или признать ошибку публично. В такой постановке цифровая этика не является отдельной темой, а становится современной средой проверки самоконтроля и ответственности.

Отдельного внимания требует различие между религиозным образованием и религиозной агитацией. В светской образовательной среде задача школы состоит в формировании знаний о религии, способности анализировать религиозные явления и уважать свободу совести, а не в продвижении конкретной конфессиональной позиции. Анализ Ukenov показывает, что казахстанское религиозоведческое образование встроено в более широкий дискурс светскости и государственной политики, что делает методологическую нейтральность особенно значимой (Ukenov, 2026). Следовательно, рекомендации по доверительному обсуждению веры, моральных дилемм и цифровых источников должны применяться с учётом институциональной роли взрослого: семейный наставник, представитель религиозного сообщества и учитель светской школы действуют в разных нормативных рамках.

5. Казахстанский контекст: светскость, гражданская идентичность и границы педагогического воздействия

Контекст Казахстана требует дополнительно учитывать, что религиозная идентичность подростка формируется не изолированно от гражданской и национальной принадлежности. Семейная традиция, язык, этнокультурные практики, школьная социализация и правовое понимание гражданства могут поддерживать друг друга, но иногда создают напряжение в интерпретации норм. Исследование Sharipova демонстрирует, что восприятие национальной идентичности в Казахстане связано с языком, религией и чувством гордости за принадлежность к стране (Sharipova, 2020). Из этого следует, что религиозное воспитание не должно строиться на предположении о единственной идентичности, полностью определяющей подростка. Более

продуктивной является модель, в которой подросток учится согласовывать несколько уровней принадлежности без требования отказаться от гражданской или культурной компоненты.

Связь религиозности и гражданской активности также не является линейной. Maulsharif, Rakhimbekova и Seisebayeva показывают потенциальные связи и противоречия между религиозностью и гражданским активизмом молодёжи Казахстана (Maulsharif et al., 2022). Для воспитательной практики это означает, что моральная ответственность не может ограничиваться индивидуальным самоконтролем. Она включает отношение к общественному благу, уважение прав других людей, готовность соблюдать закон и способность участвовать в социальной жизни без дискриминации по признаку религиозной принадлежности. Такая постановка расширяет традиционное понимание нравственного воспитания: подросток оценивает поступок не только как личное действие перед значимым авторитетом, но и как действие, затрагивающее других граждан.

Данные о субъективном благополучии также требуют осторожного языка. Akmadi, Kenzhakimova и Umbet анализируют отношения между религией, духовностью и благополучием молодых людей Казахстана, показывая сложность этих связей (Akmadi et al., 2024). Поэтому в педагогическом дискурсе некорректно обещать, что усиление религиозности автоматически улучшит психологическое состояние подростка. Религиозные убеждения могут выступать ресурсом смысла и поддержки, но при переживании страха, вины, конфликта идентичности или давления подростку может потребоваться психологическая помощь. Научно ответственная модель разграничивает духовное наставление и профессиональную поддержку и не интерпретирует психоэмоциональные трудности исключительно как показатель недостаточности веры.

Светский принцип задаёт границы институционального воздействия. В семье религиозное воспитание может быть частью передачи традиции и ценностей; в религиозной организации оно осуществляется в соответствии с конфессиональной целью; в государственной школе преподавание религиоведческих вопросов должно оставаться образовательным и недискриминационным. Такое различие защищает как свободу совести подростка, так и право семьи на религиозную идентичность в пределах закона. Работы Karipbayev и Ukenov показывают, что религиоведческая грамотность в Казахстане связана с формированием мировоззренческой культуры и одновременно с государственной моделью светскости (Karipbayev, 2020; Ukenov, 2026). Следовательно, перенос конфессиональных педагогических приёмов в школьную среду без институциональной адаптации был бы методологически неверным.

Правовая грамотность в этой модели выступает не внешним ограничением религиозной педагогики, а условием её социальной корректности. Подросток должен понимать, что религиозно-нравственный аргумент может иметь личное и общинное значение, но вопросы брачного возраста, защиты от насилия, неприкосновенности, образования и иных прав регулируются действующим законодательством. Именно поэтому исторические богословские положения необходимо обозначать как исторические, а не переносить в современную практику без правового комментария. Такой подход особенно важен в научной публикации: он позволяет изучать традицию, не превращая описательное изложение в нормативное одобрение практик, противоречащих современным стандартам защиты ребёнка.

В итоге казахстанский контекст уточняет содержание ответственной автономии. Это не только индивидуальная способность выбирать между желанием и моральной нормой, но и умение действовать в пространстве нескольких нормативных систем: семейных ожиданий, религиозных убеждений, школьных правил, гражданского права и цифровых коммуникаций. Зрелость решения проявляется в способности различать статус каждого требования, понимать его основания и не нарушать достоинство и права другого человека. Такой подход делает религиозно-нравственное воспитание совместимым с задачами гражданской социализации и снижает риск противопоставления веры, светскости и правовой культуры.

6. Телесное взросление, сексуальность и правовое разграничение

Телесное и половое взросление является естественной частью подросткового развития и требует педагогически корректного языка. Замалчивание оставляет подростка один на один со случайными цифровыми источниками, тогда как запугивание или стыжение способно усиливать скрытность и тревогу. В религиозно-нравственном воспитании продуктивнее обсуждать достоинство, взаимное уважение, согласие, границы, ответственность и саморегуляцию, не превращая возрастные изменения в признак нравственной неполноценности.

Особого разграничения требует вопрос брака. В исторической фиктивной и религиозно-педагогической литературе могут встречаться положения, сформированные в иных социальных и правовых условиях; они не могут автоматически интерпретироваться как современная педагогическая рекомендация несовершеннолетним. В Республике Казахстан брачный возраст для мужчин и женщин установлен в 18 лет. Его снижение допускается не более чем на два года только при беременности или рождении общего ребёнка и при соблюдении предусмотренной законом процедуры согласия (Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье», 2011). Конвенция о согласии на вступление в брак требует свободного и полного согласия сторон и законодательного установления минимального брачного возраста, а Конвенция о правах ребёнка определяет ребёнка как лицо младше 18 лет, если национальное законодательство не устанавливает более раннее совершеннолетие (Организация Объединённых Наций, 1962; 1989). Поэтому формулировки о «раннем браке» как способе решения сексуального напряжения научно и социально некорректны и не используются как нормативная рекомендация.

Таким образом, религиозно-нравственная аргументация в сфере телесности должна быть встроена в современный правовой и этический контекст. Педагогическая задача состоит не в поиске нормативного решения биологического напряжения, а в развитии самоуважения, уважения к другому, способности управлять импульсом и обращаться за достоверной помощью и информацией.

7. Интегративная модель религиозно-нравственного воспитания

Тематическое сопоставление источников позволило объединить результаты в четырёхкомпонентную модель. Первый, смысловой, механизм отвечает за понимание содержания и нравственного основания нормы. Второй, эмоционально-реляционный, связан с доверием, безопасностью, личным примером и субъективной значимостью ценности. Третий, поведенческо-регулятивный, проявляется в способности применять норму в конкретной ситуации и управлять импульсом. Четвёртый, автономно-ответственный, отражает переход от внешнего контроля к самостоятельному выбору и готовности отвечать за его последствия.

Эти механизмы взаимозависимы. Знание без эмоционального принятия остаётся формальным; эмоциональная привязанность без критического понимания повышает зависимость от авторитета; ценность без поведенческой практики не становится устойчивым навыком; автономия без ответственности может превращаться во вседозволенность. Напротив, их согласованность создаёт условия для того, чтобы религиозные и моральные ориентиры становились частью внутренней структуры личности.

Для Казахстана к модели добавляется контекстуальное условие религиозной грамотности в светском государстве. Исследования религиозного образования и молодёжной религиозности в Казахстане показывают значимость образовательной среды, корректного знания о религии и способности различать религиозную идентичность, культурную традицию, личное убеждение и правовую норму (Karipbayev, 2020; Zhanabayeva et al., 2025; Ukenov, 2026). Это снижает риск как поверхностного морализаторства, так и некритичного усвоения религиозной информации из цифровых источников.

Обсуждение

Полученные результаты уточняют исходную трёхкомпонентную схему «когнитивное — эмоциональное — поведенческое». Она сохраняет аналитическую ценность, но требует выделения автономии и ответственности как отдельного механизма. Для подростка недостаточно понять норму, эмоционально согласиться с ней и воспроизвести соответствующее поведение; существенным критерием развития становится способность самостоятельно применять ценностный принцип в новой ситуации и объяснять собственный выбор.

Такое уточнение позволяет уйти от прямой зависимости от одной педагогической традиции. Ряд положений, представленных в Gündüz (2010) и других турецкоязычных источниках, сохраняет историко-педагогическую значимость: внимание к возрастной рефлексии, роли примера, влиянию сверстников и необходимости сочетать знание, чувство и действие. Однако современная литература показывает, что эти идеи следует рассматривать не как завершённую универсальную модель, а как гипотезы, которые необходимо проверять с учётом вариативности религиозного развития и культурно-правового контекста.

Современные исследования также требуют осторожности при использовании причинных формулировок. Религиозность может быть связана с саморегуляцией, терпением, смыслом жизни или благополучием, однако характер связи зависит от типа религиозной мотивации, качества отношений со взрослыми и

социальных условий (Schnitker et al., 2021; Kerasha et al., 2024; Akmedi et al., 2024). Поэтому утверждение, что религиозное воспитание само по себе «формирует» моральные качества, должно пониматься как теоретическая зависимость, а не как доказанный универсальный причинный эффект.

Казахстанский контекст усиливает значение этого разграничения. Школьное и общественное образование о религии функционирует в светском нормативном поле, поэтому педагогическая работа должна сочетать уважение к религиозной идентичности с правовой грамотностью, принципами недискриминации и защитой прав ребёнка. Именно поэтому историко-богословские положения, связанные с браком, телесностью или гендерными ролями, должны сопровождаться указанием на их историческую обусловленность и не подменять современное право.

Предлагаемая модель имеет практическое значение для семьи, образовательной среды и религиозных сообществ. Она ориентирует воспитателя не на увеличение числа запретов, а на четыре вопроса: понимает ли подросток смысл нормы; чувствует ли он себя в безопасности при обсуждении сложных тем; умеет ли применить ценность в поведении; способен ли самостоятельно принять решение и отвечать за него. Такая логика сохраняет субъектность подростка и снижает риск формального внешнего послушания.

Заключение

Теоретический анализ показывает, что религиозное воспитание может быть связано с формированием моральных ценностей и религиозной идентичности подростка при условии, что оно строится как процесс смыслового понимания, доверительного взаимодействия, поведенческой саморегуляции и развития ответственной автономии. Внешнее соблюдение требований не является достаточным показателем результата; более значимым выступает переход нормы во внутреннюю систему мотивов и решений.

Теоретическая база объединяет историко-педагогические, современные международные и казахстанские исследования. Работа Gündüz (2010) используется как один из историко-педагогических источников; положения, восходящие к этому труду, сопровождаются соответствующей ссылкой и не рассматриваются как оригинальная авторская схема.

Методологически исследование ограничено теоретическим характером и целенаправленным, а не систематическим поиском литературы. Самостоятельный анализ Корана и хадисов не проводился; поэтому выводы относятся к педагогико-психологической интерпретации религиозного воспитания, а не к богословской экзегезе.

Вопросы телесного взросления и сексуальности должны рассматриваться с учётом достоинства, личных границ, саморегуляции и прав ребёнка. Исторические религиозно-правовые представления о возрасте брака не являются современной рекомендацией: в Казахстане базовый брачный возраст составляет 18 лет, а международные нормы требуют свободного согласия и законодательной защиты несовершеннолетних.

Перспективой дальнейшего исследования является эмпирическая проверка предложенной четырёхкомпонентной модели среди подростков и их родителей в разных регионах Казахстана. Наиболее значимыми переменными могут быть тип религиозной мотивации, качество отношений со взрослыми, религиозная грамотность, самоконтроль, субъективное благополучие и способность к автономному моральному решению.

Литература

- Akmedi, M., Kenzhakimova, G., & Umbet, R. (2024). Assessment of the relationship between religion, spirituality and well-being among young people of Kazakhstan. *The Journal of Psychology & Sociology*, 91(4), 64–75.
- Grotevant, H. D. (1995). Kişilik gelişimi. In J. F. Adams (Ed.), *Ergenliği anlamak. İmge Kitabevi*.
- Gündüz, T. (2010). Ergenlik Dönemi Din Eğitimi. In *Etkili Din Öğretimi (Geliştirilmiş 3. Baskı)*, pp. 73–101. Türkiye İlahiyat Tedrisatına Yardım Eden Dernekler Federasyonu.
- Hardy, S. A., & Taylor, E. M. (2024). The past, present, and future of research on religious and spiritual development in adolescence, young adulthood, and beyond. *Archive for the Psychology of Religion*, 46(2), 109–120.
- Hökelekli, H. (2001). *Din psikolojisi. Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları*.
- Hökelekli, H. (2002). *Gençlik, din ve değerler psikolojisi. Ankara Okulu Yayınları*.
- Jones, S. H., & Francis, L. J. (1996). Religiosity and self-esteem during childhood and adolescence. In L. J. Francis, W.

- K. Kay, & W. S. Campbell (Eds.), *Research in religious education*. Smith & Helwys Publishing.
- Karipbayev, B. I. (2020). Philosophical and methodological aspects of religious studies in the context of the formation of the ideological culture of Kazakhstan youth. *Bulletin of the Karaganda University. History. Philosophy Series*, 100(4), 108–118.
- Kerasha, K., Balkaya-Ince, M., & Schnitker, S. A. (2024). Many facets of religiosity and regulatory virtues: Exploring the links between multiple dimensions of religiosity with self-control and patience among Muslim-American adolescents. *Social Sciences & Humanities Open*, 10, 101117.
- Kılavuz, A. (2002). Ergenlerde özdeşleşme ve din eğitimi [Идентификация у подростков и религиозное воспитание]. In H. Hökelekli (Ed.), *Gençlik, din ve değerler psikolojisi*. Ankara Okulu Yayınları.
- King, P. E., Hardy, S. A., & Noe, S. (2021). Developmental perspectives on adolescent religious and spiritual development. *Adolescent Research Review*, 6(3), 253–264.
- King, P. E., Mangan, S., & Riveros, R. (2023). Religion, spirituality, and youth thriving: Investigating the roles of the developing mind and meaning-making. In E. B. Davis, E. L. Worthington Jr., & S. A. Schnitker (Eds.), *Handbook of positive psychology, religion, and spirituality* (pp. 263–277). Springer.
- Kosarkova, A. (2024). Religious doubts and emotions toward God in adolescents: Relation to self-esteem and meaning in life. *Religions*, 15(11), 1390.
- Kulaksızoğlu, A. (1998). Ergenlik psikolojisi. Remzi Kitabevi.
- Maulsharif, M., Rakhimbekova, B., & Seisebayeva, R. (2022). Religiosity and civic activism of youth in Kazakhstan: Potential link and possible contradictions. *The Journal of Psychology & Sociology*, 82(3), 71–82.
- Schnitker, S. A., Medenwaldt, J. M., & Williams, E. G. (2021). Religiosity in adolescence. *Current Opinion in Psychology*, 40, 155–159.
- Sharipova, D. (2020). Perceptions of national identity in Kazakhstan: Pride, language, and religion. *The Muslim World*, 110(1), 89–106.
- Spiegler, O., Jonsson, J. O., & Bracegirdle, C. (2025). Religious development from adolescence to early adulthood among Muslim and Christian youth in Germany: A person-oriented approach. *Child Development*, 96(1), 141–160.
- Ukenov, A. (2026). Secularity and the foundations of religious studies in Kazakhstan: A critical analysis of state-sponsored pedagogy and securitized secularism. *Cogent Arts & Humanities*, 13(1), 2694223.
- Zhanabayeva, A., Adilbaeva, Sh., & Mukan, A. (2025). Social factors influencing religiosity of adolescents: Role of family, peers and environment. *Eurasian Journal of Religious Studies*, 44(4), 94–104.
- Республика Казахстан. (2011). Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» от 26 декабря 2011 года № 518-IV (ст. 10).
- Научно-исследовательский центр «Молодёжь». (2023). Молодёжь Казахстана – 2023: национальный доклад.
- Организация Объединённых Наций. (1989). Конвенция о правах ребёнка.
- Организация Объединённых Наций. (1962). Конвенция о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков.

References

- Akmadi M., Kenzhakimova G., Umbet R. Assessment of the relationship between religion, spirituality and well-being among young people of Kazakhstan. *The Journal of Psychology & Sociology*, 2024, 91(4), 64–75. DOI: 10.26577/JPsS.2024.v91.i4.6.
- Grotevant H. D. Kişilik gelişimi [Personality development]. In: Adams J. F. (Ed.). *Ergenliği anlamak*. Ankara: İmge Kitabevi, 1995. [in Turkish].
- Gündüz T. Ergenlik Dönemi Din Eğitimi [Religious education in adolescence]. In: Etkili Din Öğretimi. 3rd ed. İstanbul: Türkiye İlahiyat Tedrisatına Yardım Eden Dernekler Federasyonu, 2010, pp. 73–101. [in Turkish].
- Hardy S. A., Taylor E. M. The past, present, and future of research on religious and spiritual development in adolescence, young adulthood, and beyond. *Archive for the Psychology of Religion*, 2024, 46(2), 109–120. DOI: 10.1177/00846724241235172.
- Hökelekli H. Din psikolojisi [Psychology of Religion]. Ankara: Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları, 2001. [in Turkish].
- Hökelekli H. Gençlik, din ve değerler psikolojisi [Psychology of Youth, Religion and Values]. İstanbul: Ankara Okulu Yayınları, 2002. [in Turkish].

- Jones S. H., Francis L. J. Religiosity and self-esteem during childhood and adolescence. In: Francis L. J., Kay W. K., Campbell W. S. (Eds.). *Research in Religious Education*. Georgia, USA: Smith & Helwys Publishing, 1996.
- Karipbayev B. I. Philosophical and methodological aspects of religious studies in the context of the formation of the ideological culture of Kazakhstan youth. *Bulletin of the Karaganda University. History. Philosophy Series*, 2020, 100(4), 108–118. DOI: 10.31489/2020hph4/108-118.
- Kerasha K., Balkaya-Ince M., Schnitker S. A. Many facets of religiosity and regulatory virtues: Exploring the links between multiple dimensions of religiosity with self-control and patience among Muslim-American adolescents. *Social Sciences & Humanities Open*, 2024, 10, 101117. DOI: 10.1016/j.ssaho.2024.101117.
- King P. E., Hardy S. A., Noe S. Developmental perspectives on adolescent religious and spiritual development. *Adolescent Research Review*, 2021, 6(3), 253–264. DOI: 10.1007/s40894-021-00159-0.
- King P. E., Mangan S., Riveros R. Religion, spirituality, and youth thriving: Investigating the roles of the developing mind and meaning-making. In: Davis E. B., Worthington E. L. Jr., Schnitker S. A. (Eds.). *Handbook of Positive Psychology, Religion, and Spirituality*. Cham: Springer, 2023, pp. 263–277. DOI: 10.1007/978-3-031-10274-5_17.
- Kodeks Respubliki Kazakhstan «O brake (supruzhestve) i sem'e» ot 26 dekabrya 2011 goda № 518-IV [Code of the Republic of Kazakhstan on Marriage (Matrimony) and Family]. Article 10. [in Russian].
- Kosarkova A. Religious doubts and emotions toward God in adolescents: Relation to self-esteem and meaning in life. *Religions*, 2024, 15(11), 1390. DOI: 10.3390/rel15111390.
- Kulaksızoğlu A. Ergenlik psikolojisi [Adolescent Psychology]. İstanbul: Remzi Kitabevi, 1998. [in Turkish].
- Kılavuz A. Ergenlerde özdeşleşme ve din eğitimi [Identification in adolescents and religious education]. In: Hökelekli H. (Ed.). *Gençlik, din ve değerler psikolojisi*. İstanbul: Ankara Okulu Yayınları, 2002. [in Turkish].
- Maulsharif M., Rakhimbekova B., Seisebayeva R. Religiosity and civic activism of youth in Kazakhstan: potential link and possible contradictions. *The Journal of Psychology & Sociology*, 2022, 82(3), 71–82. DOI: 10.26577/JPsS.2022.v82.i3.07.
- Nauchno-issledovatel'skii tsentr «Molodezh'». Molodezh' Kazakhstana – 2023: natsional'nyi doklad [Youth of Kazakhstan – 2023: National Report]. Astana, 2023. 137 p. [in Russian/Kazakh].
- Organizatsiya Obedinenennykh Natsii. Konventsia o pravakh rebenka [United Nations. Convention on the Rights of the Child]. 1989. [in Russian].
- Organizatsiya Obedinenennykh Natsii. Konventsia o soglasii na vstuplenie v brak, brachnom vozraste i registratsii brakov [United Nations. Convention on Consent to Marriage, Minimum Age for Marriage and Registration of Marriages]. 1962. [in Russian].
- Schnitker S. A., Medenwaldt J. M., Williams E. G. Religiosity in adolescence. *Current Opinion in Psychology*, 2021, 40, 155–159. DOI: 10.1016/j.copsyc.2020.09.012.
- Sharipova D. Perceptions of National Identity in Kazakhstan: Pride, Language, and Religion. *The Muslim World*, 2020, 110(1), 89–106. DOI: 10.1111/muwo.12320.
- Spiegler O., Jonsson J. O., Bracegirdle C. Religious development from adolescence to early adulthood among Muslim and Christian youth in Germany: A person-oriented approach. *Child Development*, 2025, 96(1), 141–160. DOI: 10.1111/cdev.14151.
- Ukenov A. Secularity and the Foundations of Religious Studies in Kazakhstan: a critical analysis of state-sponsored pedagogy and securitized secularism. *Cogent Arts & Humanities*, 2026, 13(1), 2694223. DOI: 10.1080/23311983.2026.2694223.
- Zhanabayeva A., Adilbaeva Sh., Mukan A. Social factors influencing religiosity of adolescents: role of family, peers and environment. *Eurasian Journal of Religious Studies*, 2025, 44(4), 94–104. DOI: 10.26577/EJRS20254449.

Вклад авторов

Джанабаева Арайлым — концепция исследования, формирование корпуса литературы, аналитический обзор и написание основного текста.

Жолмаганбетова Маржан — анализ структуры статьи, работа с казахстанским контекстом, проверка логики обсуждения и редактирование окончательной версии.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторлар туралы мәлімет / Сведения об авторах / Information about authors:

Arailym Dzhanabayeva — PhD doctoral student, Egyptian University of Islamic Culture Nur-Mubarak, 73 al-Farabi Avenue, Almaty, Kazakhstan; ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-3276-5513>; e-mail: arayka_9200@mail.ru.

Арайлым Жанабаева — Нұр-Мұбарак Египет ислам мәдениеті университетінің PhD докторанты, әл-Фараби даңғылы 73, Алматы, Қазақстан; ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-3276-5513>; e-mail: arayka_9200@mail.ru.

Арайлым Джанабаева — PhD докторант Египетского университета исламской культуры Нур-Мубарак, проспект аль-Фараби, 73, Алматы, Казахстан; ORCID: 0009-0001-3276-5513; e-mail: arayka_9200@mail.ru.

Marzhan Zholmaganbetova — PhD, Senior Lecturer, Egyptian University of Islamic Culture Nur-Mubarak, 73 al-Farabi Avenue, Almaty, Kazakhstan; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7057-3969>; e-mail: marzhan.zholmaganbetova.75@mail.ru.

Маржан Жолмағанбетова — PhD, Нұр-Мұбарак Египет ислам мәдениеті университетінің аға оқытушысы, әл-Фараби даңғылы 73, Алматы, Қазақстан; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7057-3969>; e-mail: marzhan.zholmaganbetova.75@mail.ru.

Маржан Жолмағанбетова — PhD, старший преподаватель Египетского университета исламской культуры Нур-Мубарак, проспект аль-Фараби, 73, Алматы, Казахстан; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7057-3969>; e-mail: marzhan.zholmaganbetova.75@mail.ru.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 23.04.2026

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 26.09.2026

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.09.2026